

вать ряд грамматических особенностей. При структурном расхождении языков появляется необходимость синтаксической перестройки, которая достигается за счет использования таких грамматических трансформаций, как изменение порядка слов, изменение порядка частей предложений и предложений в целом, членение и объединение. Также используются различные грамматические замены: замена части речи, замена залога, опущение, добавление.

Библиографические ссылки

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М. : Международные отношения, 1975. 178 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода: (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990. 253 с.
3. Левицкая Т. Р., Фиттерман А. М. Проблемы перевода. М. : Международные отношения, 1976. 125 с.
4. StudyEnglish. Сайт для изучающих английский язык, студентов, преподавателей вузов и переводчиков : учеб.-методические материалы и ресурсы по английскому языку [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://study-english.info/> (дата обращения: 24.03. 2020).
5. Гуськова Т. И. Трудности перевода общественно-политического текста с английского языка на русский. М. : РОССПЭН, 2000. 228 с.
6. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М. : УРАО, 2000. 208 с.
7. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 215 с.
8. Паршин А. И. Теория и практика перевода. СПб. : СГУ, 1999. 202 с.
9. Миньяр-Белоручев Р. К. Теории и методы перевода. М. : Московский Лицей, 1996. 208 с.

МОТИВ САМОУБИЙСТВА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI–XVII ВЕКОВ

Н. С. Зелезинская

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

e-mail: zelennew@tut.by

В статье рассматриваются основные тенденции развития мотива самоубийства в английской ренессансной литературе. Отмечаются особенности развития этого мотива в елизаветинский и якобинский периоды, выявляется жанровая специфика художественного изображения самоубийства, указываются некоторые черты индивидуального творчества. В статье упоминается около двадцати пьес, иллюстрирующих выводы.

Ключевые слова: мотив самоубийства; драматургия елизаветинской эпохи; драматургия якобинского периода; Уильяма Шекспир.

THE MOTIF OF SUICIDE IN ELIZABETHAN AND JACOBAN LITERATURE

N. S. Zelezinskaya

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: zelennew@tut.by

The article reveals the main trends in the development of the motif of suicide in the English Renaissance literature. The peculiarities of the development of this motif in the Elizabethan and Jacobin periods are noted, the genre peculiarities of the artistic depiction of suicide is specified, and some features of individual creativity are indicated. The article mentions about twenty plays to illustrate the ideas.

Key words: the motif of suicide; Elizabethan playwrights; Jacobean playwrights; William Shakespeare.

В конце XV века в английской литературе получает развитие мотив самоубийства. Первоначальное знакомство с ним состоялось благодаря переводам классической литературы и итальянских ренессансных новелл (Плутарх, Энеида, Банделло и др.). В собственно английских произведениях – в основном, подражаниях и переложениях – господствует средневековое. Так в «Трагических рассуждениях» (1567) Джеффри Фентон превращает новеллу Банделло в нескончаемую проповедь.

Однако к 80-м гг. от переводов и заимствований, благодаря которым античность и континентальная культура становятся доступными, елизаветинская литература переходит к созданию национальной драмы. Не разрушая связи с моралитом и символикой, театр развивает мотив самоубийства в пьесах на античные («Несчастья гражданской войны» Томаса Лоджа и анонимный «Отмщенный Цезарь») и библейские сюжеты («Зеркало для Лондона и Англии» Лоджа и Грина и «Давид и Вирсавия» Пилля), в хрониках («Падение Роберта графа Хантингтона» Манди, «Смерть Роберта графа Хантингтона» Манди и Четтла), бытовой драме («Предостережение для прекрасных дам» Роберта Грина) и придворных пьесах («Мидас» Джона Лили). В 1587-8 Томас Кид создает успешную «Испанскую трагедию», которая положила начало жанру пьес о мести и в которой происходит три самоубийства: Изабеллы, Бель-Империя и Иеронимо. В этот же период появляются политические трагедии Фалька Гревилля «Мустафа» (1594-6) и «Алахан» (1600). Значительную роль продолжают играть пьесы, вдохновленные французскими и итальянскими авторами и сюжетами («Марк Антоний», «Клеопатра», «Корнелия» Роберта Гарнье). С этих переложений самоубийство становится в английской литературе объектом дискуссий и рефлексии, предстает актом освобождения и единения с возлюбленным: 'These hands must break the prison of my soule / To come to

thee' [1, III.2], а также ассоциируется с достойным уходом из жизни: 'So shall I act the last of life with glory, / Die like a Queen...' [1, IV.2].

В пьесах Кристофера Марло семь примеров самоубийства плюс искушение самоубийством доктора Фауста. Мы видим достойную смерть мидийского вассала и отчаянную гибель пленных Баязета и Забины («Тамерлан»), героическую – Олимпии («Трагедия Александра»), и любовную – Дидоны («Дидона»). В «Трагедии Александра» Марло описывает редкое для английского ренессансного театра коллективное самоубийство, усиливающее трагедийность. У К. Марло самоубийства не повторяются по одной схеме: он использует как античные источники, так и национальную традицию. Но мотив самоубийства не занимает центрального места в его пьесах, ни один центральный персонаж не умирает на сцене, кроме королевы Карфагена, и автор нейтрально описывает все случаи.

Особое место занимает самоубийство в архетипическом сюжете гибели влюбленных, где впервые отсутствует осуждение добровольной смерти («Дидона» Марло, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Привратник-дворянин» Дж. Чепмена, «Публичное покаяние перед дамами» Дж. Хейвуда). Значение самоубийства уже варьируется: очевидный знак духовной смерти в моралите, оно является карой в пьесах, вдохновлённых античностью, доказательством верности в любовных трагедиях. Это зародыш оригинального и разнообразного театра; самоубийство – уже оценённый ингредиент, призванный создать определенный драматический эффект. Поэтому его выводят на сцену, и процент удавшихся самоубийств к концу XVI века возрастает в несколько раз. Постепенно авторы становятся все менее категоричными в его оценке и восхищаются силой духа и добродетелью известных античных самоубийц.

Третий период развития мотива самоубийства (1600–1610) можно с полным основанием назвать временем его расцвета в английской ренессансной литературе. Согласно статистическим исследованиям Бернард Полина, в якобинских пьесах число самоубийств утраивается, а количество пьес с самоубийством почти учетверяется, причем эта тенденция наблюдается во всех жанрах.

Якобинские пьесы, вдохновлённые античностью, размножились после «Юлия Цезаря» Шекспира. В них высокий процент самоубийств на пьесу, преобладает самоубийство после поражения и ради спасения чести, а также обязательное самоубийство («Тамерлан» К. Марло). Широко используются ссылки и аллюзии на Сенеку, Петронию, Нерона, Лукрецию, Алфею, Геркулеса. Римское самоубийство в ренессансных трагедиях можно охарактеризовать как фатальное, решительное, ясное и достойное.

Едва представленная в елизаветинском репертуаре, в якобинский период группа комедий становится самой многочисленной. Оно колеблется между двумя полюсами: фарсом, гиперболизирующим комические черты персонажей, и серьёзностью, ориентированной на трагикомедию. Авторы комедий не сильно интересуются самоубийством как таковым, а используют его как средство создания определенного эффекта, выражения идеи или сюжетного хода. Так в «Слепом нищем из Александрии» Джордж Чепмена самоубийство служит для завершения пьесы, в пьесе «Всё за спокойную жизнь» Джона Уебстера договор цирюльника и законника убить друг друга вводит в действие ряд комических ситуаций. Попытки самоубийства меняют мировоззрение героя в «Голландской куртизанке» Джона Марстона, «Публичном покаянии перед дамами» Натаниеля Филда. Желание смерти, которое выражают Беатрис из «Голландской куртизанки», Брабо из «Доброй супруги», безумный влюбленный из одноименной пьесы Ф. Бомонта и Дж. Флетчера, Беллафронт в «Женщина ветрена», показывает силу их любви. Приглашение к самоубийству указывает на отношение к герою в «Фавне» Джона Марстона, «Доброй супруге» Томаса Хейвуда, в «Властвовать над женщиной и иметь жену» Ф. Бомонта и Дж. Флетчера. Добродетель и целомудрие героинь подчеркиваются их намерением убить себя в «Волпоне» (Селия) и «Публичном покаянии перед дамами» (леди Брайт) бена Джонсона. Также в комедиях самоубийство может играть роль шантажа («Женщина ветрена»), хитрости («Весёлый день плохих настроений» Джона Чепмена). Оно может использоваться как ирония, игра слов, пародия (Ф. Бомонт и Дж. Флетчер в «Презрительной даме» иронизируют над «Гамлетом» цитируя «to die, to sleep» и пародируют песенки и утопление Офелии), или как гипербола для выражения дружбы, любви, клятвенных заверений. Часто самоубийство призвано создавать комический эффект. Так джонсоновская леди Айзерсайд считает, что если бы её не любил никто, кроме мужа, ей пришлось бы повеситься. Вольпоне и Моска решают: 'Let's die like Romans, Since we lived like Grecians' [2, III.5].

В принципе, якобинцы выступают в роли наследников, пользуясь открытыми елизаветинцами драматическими приемами, но при этом находят новые решения и ситуации. Чепмен стремится донести до публики свое мнение о самоубийстве. В «Цезаре и Помпее» для выражения своих идей он воспользовался Катонем. Чепмен сравнивает судьбы Цезаря (преуспел, но поработён своим успехом), Помпея (открывает в поражении тщеславие славы) и Катона (достигает истинного величия). У Чепмена мы встречаем тот же прием предвосхищения, что и во многих пьесах Шекспира. Автор подготавливает зрителя к центральному самоубийству

Катона самоубийствами двух консулов, обоснованных тем же нежеланием жить под властью Цезаря. Примечательно, что Катон объясняет в час поражения свой взгляд на самоубийство (утверждение легитимности самоубийства и веры в бессмертие). Недостаток пьесы в том, что Катон слишком много морализирует, а мотивы его вопреки исторической правде трансформируются из политических метафизическими: чепменовский Катон стремится к бессмертию, тогда как для исторического Катона самоубийство было протестом против тирании, гражданским актом.

Подобный эффект предваренности самоубийства главного героя второстепенными персонажами (на словах или в действии) использован и у Марстона в «Софонисбе». Эту пьесу выделяет и героиня-женщина, убившая себя, в соответствии с римскими источниками, из патриотических соображений. Марстон вплетает в танатологические мотивы мотив любви, желая возвеличить свою героиню в соответствии с ренессансным понятием *virtu*.

Большинство елизаветинских и якобинских авторов отражает в своих произведениях ренессансное восприятие самоубийства, соединившее в себе взгляды как античные, так и христианские. В «Трагедии мстителя» (1606–7) Томасом Миддлтоном представлена реминисценция самоубийства Лукреции на современном автору материале. Безымянная женщина после изнасилования принимает яд и умирает с молитвенником и книгой, раскрытой на максиме: ‘To die with poison than to live with shame’, а муж клянется отомстить [3]. В «Трагедии атеиста» драматург прибегает к жанровым приемам моралите.

Шекспир также воплотил в своих произведениях различные воззрения на самоубийство. В «Юлии Цезаре» герои действуют согласно «high Roman fashion», в «Отелло» поступок героя в финале трагедии, его мотивы и способ ухода из жизни также отсылают зрителя к римскому эталону воинской и гражданской чести. В «Гамлете» рефлексирующий герой выстраивает доводы как стоического, так и религиозного порядка. В «Королё Лире» христианское послушание, терпение, и протестантская концепция предопределенности обосновывают отказ Глостера от самоубийства. В «Антонии и Клеопатре» ренессансные представления наложены на римский сюжет, что дает неожиданную трактовку действий героев и деталей их самоубийств. Несомненно, в творчестве Шекспира тема самоубийства развернута предельно широко и многопланово [4].

После 1610 г. плотность (среднее число в пьесе) и эффективность самоубийств (смертельный исход) снижаются. Пропорция античных пьес и комедий остаётся примерно такой же, трагедий – уменьшается, появляются трагикомедии, богатые прерванными самоубийствами. Авторы

(Ф. Бомонт и Дж. Флетчер, Дж. Уэбстер, Т. Миддлтон, Ф. Мессинджер, У. Роули, Дж. Форд) все больше играют самоубийством, угрожают, хитрят и смешат с его помощью. Феномен становится знакомым, иногда забавным, а зачастую банальным и пресным, потеряв часть своей эмоциональной нагрузки. Среди мотивов на первом месте снова любовь, соображения чести отступают, отчаяние и угрызения совести снова интересуют драматургов. Новым является экономический мотив: самоубийство становится логичной моделью поведения после банкротства. Меняются источники сюжетов: вместо Библии и классической литературы внимание фокусируется на современной истории, как европейской, так и национальной. Трагикомедии разворачиваются в романтических рамках, семейные драмы – в реалиях Англии.

Пропорция одобренных самоубийств сравнима с елизаветинским периодом, но часто мы испытываем неуверенность в моральной точке зрения автора. Кроме Филипа Мессинджера, который постоянно напоминает о традиционной морали и осуждает самоубийство, авторы трагикомедий обрезают глубокие этические и духовные корни. Поле зрения заметно сужается, разнообразие исчезает. Время апогея – время Шекспира – прошло.

Библиографические ссылки

1. Daniel S. Cleopatra / Works in 3 vol. NY : Mosaic Press, 1985. Vol. III. P. 3–24.
2. Jonson B. Volpone // Volpone, or the Fox and Other Plays. Cambridge : Cambridge UP, 1992. P. 1–118.
3. Middleton Th. The Revenger's Tragedie. Methuen Drama; New Ed Edition, 2009. 176 p.
4. Shakespeare W. The Arden Shakespeare Complete Works. L., Oxford, NY, New Delhi, Sydney : Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. 1392 p.

О ТЕМЕ СВОБОДЫ И НЕВОЛИ В РОМАНЕ БАРБАРЫ КИНГСОЛВЕР *THE POISONWOOD BIBLE*

И. Е. Коптелова

Дипломатическая академия МИД РФ

Москва, Россия

e-mail: ms.koptelova@list.ru

В статье рассматриваются особенности отражения оппозиции понятий «свобода» – «неволя» в романе американской писательницы Б. Кингсолвер *The Poisonwood Bible*. В романе эти понятия прослеживаются на разных уровнях, применительно к отдельным героям, к семье в целом, к стране и даже к животным. Автор подчеркивает, что один вид неволи переходит в другой, а свобода – иллюзорна и труднодостижима.

Ключевые слова: свобода; неволя; узость взглядов; колониальная риторика.